

еюмъ экранѣ. Явленія становились видѣніями. Каждое событіе, сверхъ своего явнаго смысла, еще обрѣтало второй, который надобно было расшифровать. Онъ не логко давался, но мы знали, что именно онъ и есть настоящій». Это воспоминаніе о жизни «въ двухъ мірахъ» связано съ памятью друга молодости, Муня; но развѣ не даетъ оно вдохнуть самый воздухъ, которымъ дышала русскій символизмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не рисуетъ ли оно тотъ коконъ, изъ котораго вылучились впоследствии стихи «Тяжелой лиры», да и вся вообще зрѣлая лирика Ходасевича? Такъ переплетено въ его книгѣ личное съ тѣмъ, что принадлежитъ друзьямъ, времени, Россіи. Въ этомъ и очарованіе ея, уже не какъ «памятника эпохи», а какъ художественнаго произведенія.

Несмотря на свое заглавіе, на кладбище она не похожа; это не городъ мертвыхъ, а селеніе живыхъ. Живыми показаны всѣ, кто въ ней изображенъ; съ одинаковымъ искусствомъ обрисована духовная среда, къ которой они принадлежатъ и сами они, какъ живыя лица. Всего лучше, т. е. творчески сильнѣй, Ходасевичъ изобразилъ тѣхъ, кого не только знаетъ, но и любилъ: Муня, Гершензона, Бѣлаго, Горькаго. Прикрасть ему не понадобилось и для нихъ. По искусству характеристики и мастерству описанія, по силѣ и зоркости нравственной оцѣнки, портретъ Горькаго навѣрное лучший въ книгѣ. Но въ ней радуешь отъ начала до конца, въ любой страницѣ, неподкупная правда и необольстимый умъ.

В. Вейдле.

*Walter Schubart. Europa und die Seele des Ostens. (Vita Nova Verlag, Luzern). — Nadejda Gorodetzky. The Humiliated Christ in Modern Russian Thought (S.P.C.K., London). — Nicolas Berdiaev. Les sources et le sens du communisme russe (Gallimard, Paris).*

Всѣ три книги эти — нѣмецкая, англійская и французская — посвящены важнѣйшимъ вопросамъ русской духовной жизни, главнымъ образомъ въ той ея наиболѣе зрѣлой и можно сказать рѣшающей формѣ, какую она приняла въ минувшемъ столѣтіи. Всѣ три предназначены въ первую очередь для не-русскаго читателя, но и русскаго не могутъ не заинтересовать. Двѣ написаны русскими авторами, третья нѣмецкѣ, но хорошо знающимъ Россію и русскій языкъ. Сама одновременность ихъ появленія кажется неслучайной, такъ какъ подчеркиваетъ ихъ внутреннюю связь и единство того образа Россіи, который, при всѣхъ индивидуальных отлѣнкахъ, онѣ рисуютъ сходными чертами и который, можно надѣяться, отлѣчаетъ истиннѣ.

Вальтеръ Шубартъ живетъ въ Ригѣ (если не ошибаюсь онъ — профессоръ Рижскаго университета), его книга издана въ Люцернѣ; въ современной Германіи она бы появилась не могла, — и не только потому, что ея авторъ явно не сочувствуетъ ни теоріи расизма, ни идеѣ тоталитарнаго государства, но и потому, что онъ категорически предпочитаетъ европейскій востокъ европейскому западу и возмущенъ худшаго, что есть на этомъ западѣ, считаетъ какъ

разъ Германію въ той ея исторической традиціи, что создала нынѣшній національный обликъ нѣмецкаго народа. Лучшія страницы его книги именно тѣ, что вдохновлены борьбой съ этимъ, какъ онъ его называетъ, нѣмецкимъ «*Sachmenschentum*», т. е. подчиненіемъ чело-вѣка вещамъ и выположеннымъ по отношенію къ его личности дѣ-лямъ, а также тѣ, гдѣ въ порядкѣ этой борьбы онъ указываетъ на противоположную концепцію, справедливо считаемую имъ едва ли не главной основой русскаго національнаго характера. Задачи кни-ги, однако, гораздо шире, чѣмъ можетъ простираться анализъ этого контраста. Для автора, «Востокъ» это Россія, которую онъ, вполне усвоивъ и даже, пожалуй, и обостривъ идущую отъ славянофиловъ мессіанскую традицію, противопоставляетъ гибнущему Западу и счита-етъ единственной возможной его наслѣдницей, а значить и спаси-тельницей христіанской культуры вообще. Кое-что въ рисуемой имъ картинѣ набросано слишкомъ ужъ широкой кистью, и если «душа Востока» ни что иное, какъ русская душа, то едва ли слѣдовало такъ часто цитировать китайскихъ мудрецовъ, рискуя растворить русское въ неопредѣленно-азиатскомъ. Цѣнность книги, однако, несомнѣнна, ибо она не просто излагаетъ, въ слегка обовленной формѣ, хорошо извѣстную намъ идеологию, русскаго происхожденія, но свидѣтель-ствуетъ о личномъ духовномъ опытѣ и о личномъ отношеніи къ ка-ждому изъ затронутыхъ въ ней вопросовъ. Многія наблюденія ав-тора — о русскомъ чувствѣ братства, о связи обновленной формѣ, хорошо сходствѣ Россіи и Испаніи — самостоятельны, многія формулиров-ки остроумны, и вся книга его проникнута подкупающей сердеч-ностью и страстностью.

Работу Н. Д. Городецкой надо разсматривать прежде всего какъ обширное и тщательное собраніе матеріаловъ, — цѣнное отнюдь не для одного только иностраннаго читателя, — на тему чрезвычайно важную для пониманія Россіи и русской литературы, но которую у насъ, въ планѣ описательномъ и историческомъ, не разрабатывалъ еще никто. Идею кенозиса, образъ уничиженнаго Христа авторъ про-слѣживаетъ отнюдь не въ одной только богословской наукѣ или ду-ховной письменности, — этой задачѣ посвящены лишь послѣднія двѣ главы книги, первая же три носятъ заглавія: «Принятіе уничиженія, какъ національнаго идеала», «Идеаль святости у русскихъ писателей» и «Христіанскія черты революціоннаго движенія». Отсюда видно на-сколько широкой полагаетъ авторъ сферу распространенія того, что можно назвать кенотическими представленіями и чувствами. Тѣ стра-ницы, на которыя онъ ссылается у Некрасова и Тютчева, у Достоев-скаго и Лѣскова, у Толстого и Тургенева, всѣмъ знакомы (чего не-льзя въ той же мѣрѣ сказать о примѣрахъ заимствованныхъ у Стѣп-цова, Левитова и Златовратскаго), но уже то, что онѣ собраны во-едино, позволяетъ отчетливѣй видѣть и правильнѣй о нихъ судить. Отъ этихъ стихійныхъ проявленій чего-то вродѣ національнаго ин-стинкта тѣмъ интереснѣе переходъ къ болѣе доктринальнымъ фор-мулировкамъ у св. Тихона Задонскаго, у Бухарева, у Тарѣева, у о. Сергія Булгакова. Авторъ быть можетъ недостаточно освѣтилъ всю

сложную диалектику своей темы, не показалъ всего, что соотносительно съ мотивомъ уничтоженія въ русской мысли и въ русскомъ чувствѣ жизни, но этого онъ сдѣлать и не могъ: передъ нимъ была работа пионера, а не завершителя; для расчистки пути дальнѣйшему изслѣдованію и размышленію, онъ сдѣлалъ во всякомъ случаѣ очень много.

Книга Н. А. Бердяева излагаетъ исторію русскаго коммунизма, какъ національнаго явленія, въ широкой рамкѣ исторіи русской социальной мысли и общественныхъ теченій, начиная съ образованія интеллигенціи и раскола западниковъ и славянофиловъ. Тема ея не коммунизмъ, какъ таковой, и не источники русской революціи, какъ конкретнаго историческаго событія, а то въ коммунизмѣ, что отвѣчало извѣстнымъ чертамъ русской мысли и русскаго характера, и то въ духовной исторіи Россіи XIX вѣка, что открывало дорогу коммунистической революціи. Въ ея центрѣ не коммунизмъ, а Россія и та ея «особенная статья», которую — не безъ вліянія Н. А. Бердяева — старались разгадать и авторы двухъ книгъ, о которыхъ только что была рѣчь. Особенно интересной, съ этой точки зрѣнія, намъ показалась глава о марксизмѣ классическомъ и марксизмѣ русскомъ, а также страницы, посвященныя Ткачеву и Желязову. Бердяевъ не историкъ, а философъ, и всю его книгу проникаютъ обще-философскія и социально-философскія концепціи, которыя могутъ вызвать критику, но критиковать которыя умѣсто лишь въ связи съ болѣе глубокими ихъ предпосылками, о которыхъ въ данной книгѣ рѣчи нѣтъ. Однако съ чисто-исторической стороны книга построена превосходно и всѣ идейныя нити, затронутыя въ ней, прослѣжены съ неукоснительнымъ вниманіемъ и ясностью. Жаль, что переводъ ея не безупреченъ. Слѣдуетъ пожелать, чтобы былъ опубликованъ ея русский текстъ.

В. Вейдле.

Прот. С. Четвериковъ. Молдавскій старецъ Паисій Величковскій. Вып. I и II. Стр. 135 и 125. Petseri, 1938.

Новая книга прот. С. Четверикова, извѣстнаго знатока и изслѣдователя русскаго старчества, появилась нѣсколько лѣтъ назадъ на румынскомъ языкѣ и только сейчасъ вышла въ русскомъ изданіи — къ сожалѣнію, въ сильно сокращенномъ видѣ. Книга прот. С. Четверикова посвящена виднѣйшему дѣятелю въ духовномъ русскомъ возрожденіи XVIII и XIX в. — старцу Паисію Величковскому и является чрезвычайно цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской Церкви. Въ первой части превосходно обрисованъ старецъ Паисій, вторая же часть даетъ исключительно цѣнный, во многомъ совершенно новый обзоръ многочисленныхъ вліяній старца Паисія на русскіе монастыри. Нельзя только не пожалѣть, что въ русскомъ изданіи выпали указанія на источники, — это во многомъ умаляетъ его значеніе.

Книга прот. С. Четверикова написана очень легко и живо и прекрасно вводитъ читателя въ русскій церковный бытъ и духовныя исканія XVIII в.

В. В. З.